

МАКСИМ ИВАНОВ

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКЕ
НЕИЗВЕСТНОГО

РОМАН

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2022

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44
И20

Иванов, М. С.

И20 Концерт по заявке неизвестного : роман / Максим Иванов. — Минск : Четыре четверти, 2022. — 176 с.
ISBN 978-985-581-528-1.

Роман Максима Иванова «Концерт по заявке неизвестного» — это восемнадцать драматических историй из жизни современников автора, родившихся в 1970-е годы. Дети своего времени, они мечтают, страдают, влюбляются, идут на преступления и прозревают, а читатель вместе с ними ищет ответы на главные вопросы.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-528-1

© Иванов М. С., 2022
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2022

Оглавление

Глава первая. Месса без нот	4
Глава вторая. Старинная французская песенка	36
Глава третья. Соната августа	73
Глава четвертая. Призрак фуги	107
Глава пятая. Приглашение в хор	144
<i>Об авторе</i>	175

Глава первая

МЕССА БЕЗ НОТ

1

Настоящий космический холод я впервые испытал в шесть или семь лет в туалете дома отдыха на озере Свитязь. До этого я никогда не запирали изнутри кабинки общественных туалетов, но здесь была такая красивая, блестящая щеколда — рука сама к ней потянулась, и я, как взрослый, закрыл замок. Помню трепет, с которым подносил я руку к щеколде, чтобы отодвинуть ее назад, и ужас, который накрыл меня в следующий миг, оттого что замок не поддавался ни с первой, ни со второй, ни с третьей попытки. Как же так? Вот так запереть, а вот так отпереть. Какой подвох спрятан в замысле взрослых? Я подумал, что навсегда останусь в этой кабинке, — тогда-то и пахнуло на меня настоящим холодом жизни, которого раньше, находясь под опекой бабушек и тетушек, я не мог себе и представить. Я кричал до хрипоты, умоляя кого-нибудь отпереть меня, бил в дверь кулаком, становился на колени и просил прощения у родных и знакомых, словно кто-то из них на самом деле слышал меня и не открывал, — а потом замирал, прислушиваясь, не идет ли кто на помощь. За окошком под потолком пели птицы и улыбалось июльское солнце, но я замерзал, словно сидя на льдине, отползавшей в океан. Я уже не кричал — сипел, когда в комнате на другом конце коридора каким-то чудом меня

услышала бабушка — зашла в туалет и надавила на дверь, чтобы освободить засов. Летнее утро вернулось, но я уже был другим человеком.

Родители мои, молодые специалисты-геологи, уехали на Север, когда мне было пять лет, а через полтора года связь с ними оборвалась навсегда. Бабушка же моя оказалась слишком доброй и наивной. Уже в младших классах я стал попадать в милицию — то за то, что выкладывал на рельсы пробки от пивных бутылок, пытаясь превратить их в монеты для автоматов с газированной водой, то за то, что исправлял оценки в классном журнале (целый год за плату я орудовал хлоркой и чернилами, неправдоподобно повышая успеваемость класса). Но последняя капля терпения высших сил испарилась после того, как я вынес корзину груш из школьного сада. Груши эти собирали все, но только меня наш завхоз Петрович почему-то заставил вывалить их в траву, схватил двумя пальцами за кожу на горле и потянул по улице. «Вымажу забор машинным маслом!» — орал он, задыхаясь от злости, когда передавал меня бабушке. На следующий день в привычном месте я перемахнул через забор, и вся одежда у меня заляпалась какой-то вязкой вонючей мазью. Бабушка была вне себя — редко я ее видел такой, — строго-настрого запретила мне лазить в сад, но я пошел на принцип — стал лазить туда ежедневно и однажды как назло зацепился рубашкой за проволоку как раз в ту минуту, когда мимо проходил Петрович. «Все, тебе капут!» — прохрипел он и бросился ко мне. Я порвал рубашку и поцарапал руку — как неуклюжая крыса, плюхнулся на траву и, не помня себя от страха, побежал домой. Целую неделю потом страшно болел ушиб, ныло в груди, я то и дело плакал от обиды, а прорвало меня, когда увидел топор у поленницы в том же саду, спрятал его в кусты и ночью посекал половину деревьев.

В первое утро в интернате я не смог подняться с кровати, потому что пацаны меня к ней привязали — это называлось

крещением. Носки мои были связаны в такие крепкие узлы, что просто пришлось их выкинуть. Но я не замерз без носков: странно, меня совсем не тянуло домой, я даже начал пропускать побывки дома по выходным. Интернат располагался в центре города — домом моим стали городские улицы, утопавшие в алычовых садах, музыка локомотивных гудков и грохочущих товарных составов, запах печного дыма и хлопка и толпы, толпы, толпы, которых у себя на далекой окраине я раньше никогда не видел, — на Ленина, на Советской, в парке и на двух площадях. Через год-другой в друзьях у меня было полгорода. Нас, интернатовских, обычные школьники из центра города воспринимали как героев-беспризорников; в последних классах вместе со старшими ребятами с соседних улиц я уже «фарцевал» всякой мелочью, сначала марками и значками, потом подержанной одеждой и разным хозяйственным хламом — граблями, ведрами, инструментом, — всем, что плохо лежало во дворах и на что был спрос в то непростое время. Особую прибыль давали велосипеды. Кое-кто промышлял мопедами и автомобильными колесами, но такие, в конце концов, всегда попадались, да и дурачка не включишь, что нашел на дороге. При всем этом я успевал еще и неплохо учиться: местные ребята ненавидели свои школы, а у нас с учителями была чуть ли не дружба, к нам не цеплялись по мелочам, на отлучки наши закрывали глаза — наверное, на самом деле хотели дать нам путевку в жизнь.

Все изменилось, когда к нам в интернат пришел новый физрук. Не знаю, как так случилось, но вскоре этот тип прибрал к рукам всю школу и сделался чуть ли не главнее директора. Физкультура стала для нас первым предметом, а тот, кто чем-то не угодил физруку, превращался в изгоя. Одного моего одноклассника, носившего на физкультуру вместо кроссовок кеды, он загнобил своими придирками так, что тот стал заикаться. Другого с первого занятия неизвестно за что записал в «раздолбай», постоянно заставляя его наворачивать штрафные круги по

стадиону. Кажется, все это мелочи: ну дай два лишних круга, стерпи, когда тебя растирают в пыль. Но для пацанов в четырнадцать лет, мечтавших о мопедах и тайно влюбленных в одноклассниц, это был вопрос жизни и смерти. Со своей, прямо скажем, не очень спортивной комплекцией я ухитрился не попадаться физируку под горячую руку целый год, но в конце концов все же дал маху: громко обрадовался освобождению от физкультуры в день сдачи нормативов, за что принужден был сдавать их отдельно на глазах у всего класса и, конечно, ничего не сдал. «Нищий», «Раззвездяй», «Глиста» — так называл нас физрук, и клички эти, переименованные на разные лады, повторял весь интернат. В десятом классе за лето я сильно вытянулся и раздался в плечах. И, услышав от физирука в свой адрес: «Кинг-Конг жив», — на удивление, совсем не расстроился. В тот же день мы с Нищим вызвали нашего мучителя с урока в коридор, и мой коллега по несчастью, коренастый пацан, подтягивавшийся на перекладине двадцать четыре раза, ухватил его за руки, а я с размаху грохнул физирука кулаком в глаз, потом еще раз по челюсти, и еще, и еще. Физрук покраснел, как свекла, в глазах его стояли слезы, но сдачи не давал — бить детей нельзя.

На следующий день меня вызвали в кабинет директора. Там у окна стоял какой-то мужик лет сорока пяти. «Палыч, займи парня делом, а то совсем от рук отбился — Близнюку морду набил», — сказал ему директор. «Убил бы, тебе бы только спасибо сказали, — обратился ко мне мужик. — Сам-то пойдешь ко мне?» Палыч оказался замдиректора училища, у которого работа эта была отнюдь не главным занятием. Бывший воин-афганец, он держал в городе сеть магазинов и был знаком едва ли не со всем миром. Пронюхать, втереться, договориться, поделить — вот была его стихия, хотя и простой работой Палыч не брезговал: по вечерам как угорелый носился на своем старом «мерсе» от ларька к ларьку, вместе с нами таскал ящики с товаром и не стеснялся заменить продавца. Жить я вернулся

домой к бабушке, утром учился, вечером работал на рынке — крутился на складе, продавал, счетоводил. Бабушка через год умерла, и этот Палыч стал для меня, считай, отцом — строгим, но справедливым: одалживал денег, помогал советом, присматривал за мной, но и, конечно, за работу спрашивал строго. И я работал как вол — от души и на совесть. Девяностые годы сегодня все вспоминают как кошмарный сон, а в моей жизни это было, наверное, лучшее время: все было для меня тогда в новинку, и все шло как по маслу... Не знаю, чем я оказался лучше других? Мне было девятнадцать лет, когда Палыч позвал меня в свой кабинет, прикрыл дверь и сказал: «Я открываю завод. Пойдешь ко мне замом?»

Заводским корпусом служил старый дом Палыча на окраине города, в котором давно никто не жил (матери своей он купил квартиру и себе тоже). Всех работников на предприятии было двое — Палыч и я. Но это был очень крутой завод: притом что о его существовании никто не знал, он был в то время, наверное, самым прибыльным из всех городских заводов. Палыч привозил спирт и пустые бутылки, и мы вместе готовили водку, которую потом я начинал «крутить», то есть разливать ее по бутылкам, закручивать специальной машинкой пробки и наклеивать акцизные марки. У Палыча было много дел, поэтому скоро уже почти все на нашем заводе делал я сам: покупал спирт, этикетки и тару, развозил товар, даже догадывался, где Палыч берет марки. Денег мне доставалось, конечно, меньше, чем шефу, но все равно много. На первую зарплату я купил себе военный билет. Через год скопил на автомобиль. Я не бегал по кабакам, не сорил деньгами — откладывал их, сам не зная на что, то ли на квартиру в Минске, то ли на то, чтобы уехать за границу (хотя понятия не имел, чем там займусь). Честно говоря, я вообще не имел представления о своем будущем. Мне хотелось, конечно, быть хозяином своей судьбы, но в ту пору об этом не могло быть и речи: оторваться от

Пальча означало для меня тотчас упасть на дно. Нервы мои от такой «руководящей» работы вскоре стали сдавать, я вздрагивал от каждого постороннего звука, от шума шагов за окном — с каждым годом работать так становилось для меня все тяжелее, а поговорить об этом с шефом я не решался. Я прямо физически уже ощущал, как невидимая петля сжимается у меня вокруг горла, и через четыре года просто задыхался — разрыв с шефом, наверное, был неминуем. Пальч сам заметил перемены во мне — в последние месяцы, как мне казалось, был неразговорчив и подозрителен. В какой-то момент я стал следить за каждым его шагом, готовясь к любому сюрпризу, но судьба распорядилась по-своему: Пальча посадили в тюрьму.

Задержали его в балаклавах, на трассе, хотя он никуда не собирался бежать — ехал по делам в Минск. Наутро пришли за мной — я только-только успел вылить весь спирт и перепрятать акцизные марки (сердце у меня ушло в пятки, когда на целые сутки у шефа замолчал сотовый телефон). Я сказал операм, собственно, правду — что арендую у него дом, но в горотделе милиции на меня имели, наверное, особые виды: то надевали, то снимали наручники («Ишак поганый, на восемь лет пойдешь по статье!»), то вот-вот собирались бить, то как будто забывали обо мне, мурьжили полдня... Наконец оформили задержание, и тут только до меня дошло, что о нашем водочном заводе никто ничего не знает, а раскручивают Пальча совсем по другой, заранее определенной ему статье. В один миг мой обезьяний инстинкт помог подобрать нужные слова, и я рассказал о своем шефе то, что от меня хотели, — причем рассказал не так, как поначалу внушали опера, пытаюсь сделать из меня чуть ли не соучастника, но умело провел черту между делами шефа и своими наблюдениями за ним... На суде Пальч сидел в своей клетке бледный как привидение, похудевший, и меня как будто не замечал. Когда я закончил говорить, он в первый раз поднял на меня поблекшие глаза и сказал:

«Спасибо, сынок!» Я ответил ему невинной улыбкой, мол, сделал для него все, что мог, но он уже отвернулся. «Жизнь — тяжелая штука, Палыч... Своя рубашка ближе к телу — ты ведь сам любил повторять это, особенно когда выпьешь своей пальной водки!» — хотелось крикнуть ему в затылок, но, конечно, я промолчал. Ему дали одиннадцать лет за распространение наркотиков и вымогательство в особо крупных размерах. Семьи у него не было, на воле оставалась только мать, простая женщина, любившая его так, как можно любить единственного сына.

Мне шел третий десяток, а что я умел? Смешивать воду, уксус и спирт. Да еще держать язык за зубами. Года не прошло, как все партнеры Палыча в водочном деле перешли ко мне, и одного этого было достаточно, чтобы зажить с ветерком. Я рассудил здраво: снаряд не падает в одно и то же место два раза подряд, вместе с Палычем меня не забрали — значит, долго теперь не заберут. Я купил квартиру и теперь уже просто сорил деньгами — бегал по клубам, катал девчонок, ездил на моря и лишь изредка, опрокинув стопку-другую, со смутной тревогой вспоминал о бедном Палыче. В те годы начинался строительный бум, и я решил попытаться счастья в новом деле: стал сдавать в аренду опалубку для монолита, потом — строительные леса. Через год купил люльки, еще через год — автовышку. В конце концов, заключил договор с одной большой строительной конторой, возводившей в столице квартал за кварталом, два года работал в таком бешеном ритме, что пришлось даже забросить водку, — закрывал глаза на задержки с оплатой, залез в долги, но потом грянул кризис, и денег своих я так и не дождался. На водку мою спрос к тому времени тоже упал, вокруг была, по сути, совсем другая страна. И тогда же пришла весть о том, что на восьмом году отсидки не выдержало сердце Палыча.

Я и раньше замечал у него проблемы со здоровьем: он постоянно принимал какие-то лекарства, сидел на диетах, то

Об авторе

Максим Сергеевич Иванов (род. 1976) — белорусский писатель и телепродюсер. В своих произведениях поднимает темы любви, самореализации, жизни и смерти, нравственного выбора человека. Пишет на русском языке.

